

Герман де Бетс

ИСКУССТВО
ГОВОРИТЬ НА СУДЕ

БИБЛИОТЕКА АДВОКАТСКОГО БЮРО

**Bolshakov
Chelysheva
& partners**

Предисловие переводчика к 1-му изданию

Переведенное мною сочинение «L'art de plaider» принадлежит перу гентского адвоката, занимающего, очевидно, высокое положение в среде своих товарищей, так как на заглавном листе французского подлинника значится, что Hermann de Baets состоит адвокатом при апелляционном суде (avocat pres la Cour d'appel), членом Совета (membre du Conseil de discipline) и председателем французской Конференции молодых адвокатов (president de la Conference), в собрании которой он и читал свои лекции об искусстве говорить на суде (L'art de plaider). Впоследствии он издал их отдельную книжкою (я переводил с издания 1891 г.), посвященную состоявшим при нем стажерам (a mes stagiaires).

Конечно, к этому труду может быть в значительной мере применено замечание его автора о риторике, которая, говорит он, «ни одного человека не сделала оратором». Но если верно древнее изречение, что «oratores fiunt», то лекции де Бетса могут, мне кажется, оказать значительную услугу молодым юристам, посвящающим себя сознательному служению благородной профессии адвоката. Говорю «служению», потому что одно «занятие адвокатурой», особенно когда оно сразу, как это часто, к сожалению, случается в нашей среде, превращает человека, по меткому выражению переведенного мною автора, «в извозчичью лошадь по два франка за час», не располагает к тому упорному и тяжелому труду, который один только делает адвоката достойным его высокого призвания и вознаграждает его внутренним удовлетворением за все тернии нашей важной, интересной и благородной, но и весьма трудной профессии. Но, конечно, чтобы испытывать это спокойное внутреннее удовлетворение от выполненного тяжелого труда, требуется, чтобы адвокат был посвящен в рыцари своего ордена благородным мечом Фемиды, а не приманен к нему рогом изобилия бога Плутуса, которого многие, к стыду нашему, склонны считать истинным покровителем адвокатуры. О, если бы и русская адвокатура, которой, я уверен, – что бы ни говорили наши враги, – предстоит блестящая будущность, скорее и единодушно воскликнула вместе с де Бетсом: «Мы не риторы, произносящие наши речи по заказу наших клиентов! Мы – сотрудники судей!».

Для русской адвокатской молодежи советы де Бетса могут иметь особенное значение в виду общего направления нашего судебного красноречия, которое по преимуществу требует от своих служителей простоты, деловитости, основательного знания добросовестно изученного дела, сердечной искренности и отсутствия пафоса, а эти качества, как читатель увидит, автор кладет во главу угла при приготовлении к нашей профессии. Между тем как часто приходится наблюдать, что подражание дурным образцам преимущественно Французской школы, отсутствует в этом отношении почти всякого руководства со стороны старших товарищей, в свою очередь не имевших его от первых поколений русской адвокатуры, неуместный пафос и – что всего хуже – недобросовестная болтовня «поспешившего сказать речь, не изучив дела», как выразился бы де Бетс, – портят наших молодых адвокатов! Не смею говорить о наших старших товарищах, но, вероятно, и многие из них, положа руку на сердце, не откажутся принять на свой счет некоторые замечания де Бетса об его коллегах.

Конечно, повторяю, этот небольшой труд де Бетса не сделает ни одного русского адвоката Плевако или Спасовичем¹; но если он поможет убедиться хотя бы одному призванному к своей профессии молодому юристу в том как много нужно трудиться, чтобы сделаться истинным «сотрудником судьи» и обнять «высокую концепцию роли адвоката», по выражению де Бетса, то я буду убежден, что не напрасно предложил вниманию русских

---

¹ Кстати, пользуюсь случаем объяснить здесь по поводу этого сопоставления, возбуждавшего некоторый специальный интерес: Плевако, по моему убеждению, является среди русской адвокатуры поразительным талантом, самородком, оратором от природы, а Спасович – образцом эрудиции поражающим знанием и искусством.

читателей мой перевод, вызванный между прочим тем соображением, что наша отечественная литература, насколько мне известно, не дала ни одного сочинения в этом роде².

В. Быховский
Мазилово, 28 июля 1896 г.

Предисловие ко 2-му изданию

Я с удивлением узнал от моего книгопродавца, что представляется необходимым выпустить второе издание моего перевода, так как несмотря на сравнительно короткое время, прошедшее со времени появления первого издания на русском языке лекций де Бетса, это издание все разошлось и многие требования на него не могли быть удовлетворены. Говорю, «с удивлением» потому, что нет более печальной судьбы, как судьба многих наших юридических книг: несмотря на их выдающийся интерес, они часто лежат годами на полках книжных магазинов, не находя читателей среди наших юристов, которые, к сожалению, по многим внутренним и внешним условиям своего образования и профессиональной деятельности весьма часто относятся довольно равнодушно к науке, книге и презрительно именуемой ими «теории».

Очевидно, теории судебного ораторского искусства у нас посчастливилось, и она по-видимому, находится в исключительном положении, пользуясь значительным вниманием юристов.

Может быть, это явление объясняется более практическим характером этой отрасли «теории». Решать этого вопроса я здесь не берусь, но важно отметить, что, несмотря на появление в течение последних двух лет нескольких работ посвященных данному предмету, (Тимофеев, Речи сторон в уголовном процессе. 1897 г.; Ляховицкий Л. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. 1897 г.; Глинский. Б. Русские судебные ораторы; А. Говорова. Ораторское искусство в древнее и новое время) – руководство де Бетса нашло себе многих читателей. Несомненно, что в значительной мере мой перевод обязан этим сочувственному отношению к нему специальной прессы, почти все органы которой оказали ему свое внимание. В заключение мне остается, в добавление к сказанному в предисловии к первому изданию, рекомендовать читателям лекции де Бетса в следующих, принадлежащих автору рецензии о них в № 8 Журнала Министерства Юстиции за 1897 г.

«Много умных советов заключается в этой небольшой книжке гентского адвоката де Бетса, написанной им для своих стажеров и мы уверены, что большая часть этих советов может быть с пользою усвоена и нашими начинающими судебными ораторами.... брошюра де Бетса заключает в себе множество мелких замечаний о том, как речь должна быть произносима, о том, в какой мере должно при этом участвовать чувство и увлечение относительно стиля произношения, жестов, размера речи и т. п. Повторяем, что отчасти претендует сам автор, – но все таки поможет начинающим судебным деятелям установить для себя правильный взгляд на то, как должны произноситься судебные речи, что они должны содержать в себе и каких промахов и ошибок следует избегать оратору на своем поприще.»

В. Быховский

---

² Есть очень хорошая работа г. Левенстима «Речь государственного обвинителя», но она, как показывает самое заглавие, посвящена нуждам прокурорской трибуны. Статья г. Обнинского «Судебная речь, ее значение в вердикте и форма» («Юрид. Вестн.», 1887 г., № 8) говорит преимущественно о роли судебных прений на суде с присяжными заседателями.

Москва 15 июня 1898 г.

Герман де Бетс Искусство говорить на суде

Мм. гг. и дорогие товарищи!

Я явился к вам с целью побеседовать об искусстве говорить на суде. Мой доклад имеет в виду тех из вас, мои молодые товарищи, которые вступили в наше сословие с благородной задачей занять в нем почетное место среди лучших его членов, т. е. среди трудолюбивых.

Перед вами мои старшие коллеги, почтившими меня своим присутствием, я могу только извиниться. Я затрагиваю перед вами предмет, известный вам лучше, чем мне. С моей стороны, это самонадеянность, в чем я и признаюсь.

Но у меня есть, как мне кажется, смягчающие обстоятельства, способные, быть может, оправдать меня. Вы, именно вы, не могли бы говорить о судебном красноречии, не упоминая о себе, и вот почему вы стесняетесь говорить перед молодежью о секретах вашей силы.

Я пробовал разгадать, объяснить эти секреты, и если иногда я зайду в своей нескромности несколько далеко, если я прибегну к своего рода вивисекции, вы простите меня ради моих добрых намерений.

Не ждите от меня, дорогие товарищи, педантических рассуждений о топиках и планах, об *exordium*, *propositio*, *narratio*, *confirmatio*, *refutatio*, *recapitulatio*, *peroratio*, *asteismus*, *mycterismus*, *diasyrmus*, *epitrochasmus*!

Если бы я имел в виду позабавить вас, я мог бы долго говорить вам о риторике, о той риторике былой схоластики, которую клали в основу воспитания оратора. Я поставил себе целью кое-чему научить вас, мои младшие товарищи, и потому я должен выбросить за окно риторику, потому что риторика, запомните это, никогда не сделала ни одного человека оратором. Риторика обучает искусству расцветивания мысли, нацепливания на нее цветных ярлыков. Оратор – это, простите за выражение – поставщик здоровых, настоящих, хорошего качества продуктов. Ритор – это мелкий лавочник; ему мало дела до того что его пакеты содержать подкрашенные леденцы, – лишь бы они, наваленные в углу витрины, производили эффект. Оратор – инженер: он строит машины для оттачивания человеческой мысли.

Лавочник может иметь иногда успех перед собранием невежественных ротозеев, но когда он пробует проникнуть в душу судьи, то он напрасно лишь тратит свой труд и губит свои товары.

Детская риторика наших школ оказывает на молодого адвоката самое печальное влияние. Трактаты по риторике дают ему самые глупые советы: он появляется на суде с памятью, обремененной всеми путами векового педантизма. Он входит в зал заседаний. Вот знаменитый адвокат; его слушают с глубоким вниманием, между тем его речь не построена по плану, так настойчиво рекомендованному в школе: «Итак, риторика ни на что не нужна», сказал бы себе неопит, если бы его профессор, ловко поместившийся между здравым смыслом и наукой, которую он обязан преподавать, не вышел бы в свое время из затруднения, объяснив ему, что опытные, старые ораторы могут позволять себе вольности, что вольности эти придают даже красоту их речам; но что молодые люди – новички должны подчиняться правилам, если хотят приобрести способность оценить позднее, когда станут сами опытными, что значить иногда употребить какую-нибудь великолепную неправильность.

Бедный малый не понимал, что его профессор в глубине души так же верит в риторику, навязанную ему школьными программами, как Фонтанароза в свое целебное средство. Я знавал таких профессоров риторики, которые смело, с риском быть обвиненными в новшествах, пренебрегали старой методой, энергично призывали своих учеников к личному свободному труду, развивали в них мысль, способную рождать идеи, а не строить из гнилых досок подпорки для чужих мыслей. Правда, это были выдающиеся люди, и,

как это бывает лишь с действительно редкими энергичными умами, они не были подавлены школьной рутинной.

Молодой стажер готовит свою первую речь. Целые дни, недели, месяцы размышляет он над ее содержанием, обдумывает выражения, жесты, и дикции. По ночам ему грезятся блестящие уподобления, ядовитые змеи ироний, рычащие псы грозных обличений. Горничная его матери застаёт его произносящим речь перед зеркалом, подобно Демосфену на берегу моря.

Наконец, настает великий день, день судебного заседания, день, когда откроется миру великий талант и будет награжден достойным триумфом.

«Господин такой-то, слово принадлежит вам», и вот поднимается молодой Цицерон, величественный, гордый, развертывает страницы своей памяти, и льются торжественные, совсем как в рго Milone, бесконечные периоды, в убаюкивающих кадансах, с строго выдержанным размером, с звучными повышениями и понижениями.

Эта прекрасная речь, с ее трехчленным *propositio* и *demonstratio*, с драматическим *exordium* и трагическим *peroratio*, фальшиво звучит в пустой зале, перед тремя судьями, кусающими губы, и товарищем прокурора, переворачивающим листы своего реестра, чтобы скрыть смех.

И вот, трудолюбивый, умный, полный желаний сделать все, что только в его силах, несчастный оратор, ставший жертвой того, что называют заученностью, ясно видит расстояние, отделяющее его от старших товарищей, произносящих каждый день без утомления, без усилий речи, интересующие судей, приковывающие их внимание, заставляющие публику дослушивать их до конца, как будто, какой-нибудь волшебник приковал ее к скамьям. «О, как трудно говорить на суде!» говорит он себе и, обескураженный, не решается сделать новую попытку.

Но верьте мне, дорогие товарищи, судебная речь есть отдых, спорт, правда трудный, но освежающий и самым лучшим образом отвлекающий от многочисленных и скучных обязанностей нашей профессии.

Если вам речь кажется трудной, то это потому, что, благодаря риторике, вы приобрели ложные идеи о построении судебных речей.

На самом деле, судебная речь – самая легкая вещь на свете, самая простая, потому что она наименее искусственная вещь, наиболее естественная. Я это сто раз говорил моим молодым товарищам, и сто раз я получал один и тот же ответ: «Да, для тех, которые умеют пледировать, но не для остальных!» Признаюсь что в начале этот ответ меня очень сердил: нет ничего более досадного, как видеть робеющего молодого человека, если только это не та скромность, которая служит очагом лени.

Но постоянное повторение этого ответа заставило меня задумываться. Я кончил тем, что уяснил себе глубокую философию этого дела и составил целый курс судебной риторики, главнейшее положение которой сводится к следующему: «Пледировать очень легко, для этого достаточно уметь пледировать».

I

Если между вами есть лентяи или люди самонадеянные, я им сейчас доставлю великую радость. Я начну излагать самые чудовищные теории, я буду проповедывать лень, я буду приглашать к самонадеянности. К сожалению, я должен предупредить этих господ, что их удовольствие будет эфемерным.

Всякий педагог скажет вам, что нужно готовить свои речи.

В силу присущей ему способности, в силу какого-то рокового закона, побуждающего его смешивать самые разнородные вещи, он примет судебную речь за написанное сочинение и продекламирует с чувством известные стихи Буало:

«Vingt fois sur le metier remettez votre ouvrage.

Я же, сказавший несколько сотен судебных речей, на основании всего моего опыта, восклицаю во всю силу моих легких: «Не готовьте ваших речей! совсем не готовьте! Абсолютно не готовьте!»

Кричите мои друзья, сколько угодно, что это парадоксы, но знайте при этом, что в педагогике истина содержится только в парадоксах.

Парадокс убьет рутину.

Закройте книги, герметически закройте; откройте глаза и уши; посещайте судебные заседания, наблюдайте, слушайте ораторов, – я должен добавить: способных, настоящих ораторов, тех, которые не гонятся лишь за удовлетворением страсти возбуждать удивление своим искусством, а ставят себе единственно верною целью своего красноречия убедить слушателей! Они импровизируют.

Они импровизируют форму, фон речи, хотя какое-нибудь отвлечение в сторону, тотчас же исчезающее, какое-нибудь смешение основания дела с основанием речи может заставить думать противоположное. Опыт научил их, что когда они, следуя правилам риторики, заботливо соорудили здание своей речи, то им оставалось в пылу борьбы лишь выбросить за борт свою постройку и снова, тратя новые силы, создавать новую речь.

В первые годы практики они являлись в заседание с прекрасным планом. В нем было все: главные положения и мельчайшие детали, от кнопки для звонка до последнего изгиба карниза.

Перерыв противника, улыбка, перевернутый лист бумаги повергал их в настоящую муку.

Вдруг дело в самом заседании принимало другой оборот; необходимо было тотчас же изменить план борьбы, являлась необходимость обнажить скелет, поставить на его место другой, дать ему другое тело: страшная внезапность, требующая тяжелых усилий!

И наученные опытом они не являются более с вполне одетыми фантошами, так как совершенно уверены, что последние развалятся, как только поднимется занавес.

И я готовлял бывало вступления, но они все без исключения оказывались не к стати в момент пледирования! И я составлял планы с делениями и подразделениями, но все они оставались забытыми при том усиленном труде мысли, который вызывается необходимостью говорить перед живыми людьми. Каюсь, и теперь еще мне случается поддаться натиску классических правил, впасть в недоверие к своим силам и написать заметки для речи. Но всегда в заседании я теряю их из виду, всегда, окончив речь, я обретаю их и под своими бумагами; постоянно мне приходится констатировать их полнейшую бесполезность. Да и как может быть иначе? Ведь я говорю перед судьями. Моя речь обращается к ним. Мой взгляд должен сопровождать мои слова. Каким же образом я мог бы следить глазами за бездушными записками?

Они могут только развлекать и стеснять меня. Заниматься бумагой – значило бы ослаблять силу суждения, развертывающуюся в голове и выражаемую устами; это значило бы осуждать себя на внезапный и притом двойной труд – размышления и труд памяти; это значило бы связывать в мозгу цепь идей, зародившихся в данную минуту, с нитями прежних мыслей.

Верьте мне: чтобы речь была хорошей, она должна быть живой, активной, иначе говоря – экспромтной. Ее следует импровизировать, всецело, абсолютно импровизировать.

Никогда не пишите ваших речей. Между речью, написанной заранее и произнесенной устно, существует глубокая пропасть. Мне хорошо известно, что один из наших учителей, которого возраст и болезнь в настоящую минуту держат вдали от нас, этот самый блестящий оратор нашего сословия, столь великий и прекрасный, что мы не можем питать надежды

---

³ Двадцать раз переделывайте вашу работу, полируйте ее непрерывно.

снова обрести подобного ему, писал, как говорит молва, свои речи. Но старшие наши товарищи передавали мне на его счет любопытные замечания, которые я повторяю перед вами.

Он писал, рассказывали мне, восемь речей, но произносил девятую. И эта девятая речь, которую он импровизировал в самом заседании, была наиболее прекрасной, поражающей, неопровержимой⁴.

Он был, без сомнения, всегда хорош, но успех его речей был совершенно различен и притом характерно различен. В те дни, когда он произносил приготовленную речь, аудитория удивлялась его таланту, эрудиции, знаниям, тонкости, возвышенности его мысли, изяществу выражений, выдающемуся красноречию, звучному голосу и замечательному языку. Это был триумф артиста, триумф человека, который дает аудитории попробовать избранных плодов великой литературы. Но в те дни, когда он позволял своему пламенному вдохновению заменить приготовленную речь импровизацией убедительность последней глубоко внедрялись в умы, увлекая сердца. Некогда было удивляться, так как всякий неудержимо поддавался силе его порыва, безотчетно отдаваясь ему, всецело сливаясь с его мыслью, его чувством. И это была действительная, полная победа оратора над покоренной аудиторией.

Итак, мои дорогие товарищи цель наших речей не в том, чтобы заставить судью сказать: «Такой-то хорошо говорил». Нужно, чтобы судья сказал: «Такой-то прав». Даже не выгодно, когда судья слишком уж ясно заметил, что вы говорите хорошо; если он имел время оценить вашу ораторскую технику, значит, – ваши аргументы не всецело покорили его.

Старайтесь, чтобы ваша ловкость не вызвала в нем сомнения, чтобы он не испытал другого ощущения, кроме того, что он легко идет с вами к истине.

А для этого, – будьте в этом твердо уверены, – вам необходимо говорить с ним, активно проявлять себя; не читайте ему страницы из учебника литературы, как бы великолепно она ни была, раз она написана заранее в вашем кабинете.

Не берите с собою слишком полных, подробных заметок с материалом для речи.

Обыкновенно рекомендуют прибегать к этому пособию. Но рекомендация эта исходит из указанного уже смешения понятий.

Я сейчас объясню вам какое другое пособие полезно иметь под рукой во время педирования. Но именно строгое различие между пособиями, которые можно иметь и которые важно не иметь при себе, выразит в двух материальных символах различие между настоящей и ложной ораторской методой.

Итак, не берите с собой записанной речи, ни даже извлечений из нее. Не берите с собой даже слишком подробного плана речи.

Итак, буквально, абсолютно и безусловно не готовьте заранее ваших судебных речей!

II

«Но, скажете вы, при таком способе вести процесс, нам нечего будет делать: если мы станем говорить, это будет лишь словоизвержением». Позвольте, объяснимся!

Конечно, между нами сказать, есть адвокаты, великолепно соблюдающие только что преподанные мною правила и получающие при этом указанные результаты.

Есть между нами такие, которые подходят к суду с намерением говорить, сами не зная о чем.

---

⁴ Вообще, мне кажется, следует относиться с большою осторожностью к этому совету автора – не писать совсем речи по делу. В частности приводимый им пример может навести на верную мысль, что девятая речь его блестящего товарища от того, может быть, и была «наиболее прекрасной», что была сказана после того, как автор восемь раз переделывал свою речь. Примеч. переводч.

Есть такие, которые довольствуются выслушиванием своих клиентов с их спутанными обвинениями и затем ограничиваются повторением этих обвинений в заседании, в тяжелых и неудобоваримых речах, таща за собой судей через все кустарники, терзая их по всем кочкам и выбоинам дороги, бросая их утомленных и разбитых в темном лесу.

Но когда вы слушаете одного из таких ораторов, то как вы определите ваше суждение о недостатках его способа приготовления к ведению дела?

Скажете ли вы, что он не приготовил своей речи? Нет! Вы для этого слишком знаете дело! И вы увидите, что я выражаю мои правила на вашем собственном языке, что я внутренне вижу весьма ясно, насколько вы знаете, в чем истина.

Вы придадите вашему суждению субъективный характер. Вы скажете: «Такой-то не приготовился... Такой-то не приготовил себя к делу». Вот именно это и есть точное определение. Судебный оратор не должен готовить своей речи. Но он должен себя приготовить к речи, а это огромная разница.

Ритор готовит свою речь, оратор себя готовит к речи.

Итак, приготовиться к пледированию – это значит поставить себя в такое положение, чтобы, очутившись у судейского стола, можно было, как только председатель предоставит слово, начать импровизировать речь настоящую, хорошую речь, идущую к делу, имеющую в виду интересы сторон, судей, противника, данное время и данную минуту, – речь столь же непринужденную, как если бы вы начали рассказывать какую-нибудь историю вашему товарищу на его вопрос: «Что нового?» – Вы думаете, что трудно достигнуть этого? Трудно, – нет! требует труда, – да!

Вот тут я и прошу лентяев и самонадеянных господ, если они есть среди вас, разбить свои иллюзии.

Вам много раз говорили в ваших книгах о приготовленных речах, состряпанных в лаборатории по научным формулам; а говорили ли вам когда-нибудь, что вы каждый день составляете речи без приготовления, импровизируя?

Антонин Ронделе в замечательном сочинении «Искусство произносить судебные речи» ясно показал всю поразительность природного, естественного красноречия. В самом деле, каждый день вы произносите речи без приготовления, и они выходят прекрасными. Вы были свидетелем какого-нибудь случая. Вы видели, как пьяный кучер грубо повернул лошадь, опрокинул женщину, убил ее. Вы встречаете хозяина кучера, вашего соседа. Вы рассказываете ему с полнейшей обстоятельностью, с величайшей ясностью, с трогательным красноречием сцену, очевидцем которой вы были. Вы выясняете ему вину его кучера с захватывающей силой. Вы не будете иметь надобности ни предварительно писать ваш рассказ, ни составлять его план; рассказ ваш будет импровизирован. Но вот вместо того чтобы рассказывать о событии вашему соседу и делать с ним соответствующие выводы, вам предстоит рассказать это дело и сделать выводы в пользу его пред судом. Трогательная речь, требование вознаграждения за убытки, основанное на такой-то статье кодекса, есть, ведь, не что иное, как именно изложение подобного дела.

Будьте в состоянии говорить в этом воображаемом процессе с такою же импровизацией, с какой вы говорите о том воображаемом случае, очевидцем которого вы были, и вы скажете речь стройную, обстоятельную, вытекающую прямо из дела. Мы ежедневно наблюдаем чудо естественного красноречия у людей, которые не обладают никакой интеллектуальной культурностью и наблюдение над этим чудом заставляет подумать об его психических основаниях. Вот перед вами человек, бывший участником известного дела. Расспросите его – он расскажет вам дело со всеми деталями. Пройдет известное время, впечатление улеглось, он успокоился. Теперь спросите его – вам будет стоить громадного труда заставить его рассказать то же дело. Но вот он очутился на суде. Мгновенно это инертное существо воодушевляется и произносит речь, возбуждающую ваше удивление. Почему этот безграмотный, грубый, необразованный рабочий перед несправедливым запирательством, перед позорным обвинением становится вдруг красноречивым? Откуда появляется в нем это естественное красноречие, которое возбуждает

удивление слушателей? Почему его речь течет быстро, ясно, трогательно?

То, очевидцем чего он был, вдруг живо встает пред ним; ассоциация идей создает захватывающую картину; он видит пред собой факты как в зеркале. Наблюдайте за ним хорошенько, следите за его взором. Вы присутствуете не перед рассуждением, трудолюбиво скомбинированным, благодаря предварительному обдумыванию, а перед видением: говорящий воспроизводит образы, которые он видит где-то там, перед собой, в их объективной связи. Он не думает об аудитории, он не рассуждает, он не спорит, он рассказывает, описывает; перерывы не сбивают его с пути, он на них не отвечает. Как только невольная задержка прекратится, он продолжает на том же слове, на котором кончил, и председатель суда изнемогает в тяжелых усилиях заставить его замолчать или вернуть его к тому порядку идей, которым интересуется суд. Изучайте старательно это явление. Этот человек, без всякого сомнения, красноречив, и мы никогда не достигнем его ораторской силы. Это – сила, правда, не дисциплинированная, но все же сила. Она всецело исходит из его видения, из его активного, живого представления, из фактов, которые когда-то произвели на него впечатление, и живое представление которых заставляет вновь рождаться в его душе всю первоначальную силу впечатления. Но этот человек говорит без конца, слишком страстно, стремительно, притом смешивает самые ничтожные детали с существенными данными дела, и потому именно он не владеет собой, что его речь есть явление, не зависящее от его воли. Он неудержимо подпадает влиянию той картины, которую он видит пред собой. Вообразите, что вы можете создать для себя в момент речи то умственное состояние, в котором находится этот оратор-импровизатор, что вы в состоянии видеть все ваше дело с такой же силой интуиции, как он, и вы, подобно ему, очутитесь во власти предмета вашей речи. Вы получите ту же силу, но и у вас, как и у него, стремительный поток польется через все преграды. Не ясно ли вытекает отсюда основное правило? Нужно подходить к судейскому столу в таком состоянии, чтобы обладать способностью импровизации, которою обладает естественное красноречие, и в то же время оставаться господином своей речи; нужно иметь в своем распоряжении всю силу невольного оратора, и вместе с тем обладать еще большей силой – умением сдерживать свою силу.

Итак, речь идет, во-первых, о том, чтобы привести себя в то психическое состояние, которое раскрывает уму в желаемый момент ясное, очевидное представление о всех данных дела в их объективной связи. И это есть именно то, что доставит вам всю силу естественного красноречия. Во-вторых, речь идет о том, чтобы быть в состоянии удержать себя от внушений тех образов, которые настойчиво вызывает естественное красноречие, т. е. чтобы, так сказать, раздвоиться, применять к образам, встающим перед глазами, работу рефлексии, распределить в этом калейдоскопе относительное значение образов, составить из них сознательно, по вашему выбору, такие картины, такие элементы дела, которые, по вашему мнению, имеют значение для суждения судьи.

Вот что отличает просвещенное, художественное, свободное красноречие от красноречия невольного, грубого, природного.

Чтобы достигнуть обоих эффектов, чтобы, с одной стороны, получить ясное представление об элементах дела и, с другой, формулировать продуманное суждение об этих элементах, необходимо в совершенстве представлять себе аналитическую связь всех идей, порождаемых процессом. Более ничего не нужно. Посмотрите, как общественное мнение заблуждается, связывая способность импровизации с так называемой легкостью речи, даром слова.

«Легкость речи» – старый и презренный предрассудок! Не наблюдали ли весьма часто, что, как правило, нет более молчаливых людей, чем великие ораторы. Мало ли болтунов, которые, очутившись перед аудиторией, чувствуют себя в полном бессилии? Ораторская свобода речи, способность сдержанного слова не имеют ничего общего с скорой и болтливой речью. Эта свобода прежде всего есть способность созидать стройный ряд идей и располагать их в взаимной связи и зависимости. Она заключается гораздо больше в способности мыслить, чем говорить.

В этой способности, дорогие товарищи, лежит секрет судебного красноречия, и притом единственный секрет, обнимающий все другие. Вся суть в том, чтобы явиться в суд с ясным, добытым путем анализа знанием дела, с полным знанием всех данных, рассмотренных со всех сторон и во всех возможных взаимных отношениях между ними, с ясным представлением о каждой идее, о каждой ассоциации, образуемой этими идеями, о законе каждой из этих ассоциаций.

Тут мне приходит на память другое изречение Буало, заключающее в себе глубокую истину:

«Ce qui se consoit bien s'enonce clairement
Et les mots pour le dire arrivent aisement»⁵

III

Итак, если вы находите предмет моей беседы интересным, мы приступим к изучению сначала того способа, посредством которого можно достигнуть описанного мною положения, а затем того, при помощи которого, раз является достигнутым это положение, речь произносится в заседании. Объяснимся относительно программы нашего изучения. Речь пойдет прежде всего о воспитании оратора.

Риторика различает весьма основательно общее или приготовительное воспитание и специальное или непосредственное. Примем ее деление, так как, на этот раз, оно основано на природе вещей.

В наших трактатах, – и всего менее в лучших из них, – много занимаются предметом этого общего воспитания, т. е. образованием разума, чувства и воображения, и совсем не занимаются другим и притом чрезвычайно важным предметом – воспитанием физическим, воспитанием организма оратора.

Я возьму будущего оратора так как он есть: с душой и телом. Необходимо позаботиться о развитии последнего так же, как и первой.

Оратор, говорящий свободно, оратор-импровизатор, должен обладать в высокой степени всеми психическими способностями. Это очевидно, на этом не стоит даже настаивать.

Он должен обладать ясным представлением, верным суждением, живым чувством, легким воображением. Но ему недостаточно обладать всеми этими способностями. Он должен особенно ясно отдавать себе отчет о деятельности этих способностей; в противном случае он будет побежден предметом своей речи и отдастся невольному, бессознательному, естественному красноречию.

В этом и заключается узел задачи.

Большая ошибка отделять, из любви к трехчленным делениям, развитие чувства и воображения от развития разума, интеллекта в тесном смысле этого слова.

Я сейчас скажу и докажу, что то, что называют развитием чувства и воображения, содержится всецело в проявлении разума, сознания.

Поэтому позвольте мне прежде всего и с некоторою подробностью поговорить о развитии интеллектуальной стороны оратора, его разума. Вы позволите затем доказать вам, в нескольких словах, что чувство и воображение должны быть подчинены всецело тому же режиму, как и способность разумения, понимания.

Затем, мы приступим к изучению развития организма, относительно чего я, как мне кажется, могу дать несколько весьма практических указаний.

Таким образом, мы обозрим область общего образования оратора и затем будем

---

⁵ Что ясно сознают, то ясно выражают и легко находят для этого нужные слова.

в состоянии заняться его специальным непосредственным образованием.

С первого взгляда кажется, что огромное затруднение для импровизатора заключается в трудности найти надлежащее выражение.

Небольшое размышление заставит исчезнуть это представление. Очень легко заметить, что ораторам, затрудняющимся во время речи, недостает не слов, а идей, и именно ясных идей.

Говорить речь, рассуждать, это значит выдвигать известный ряд суждений. Конечно, это предполагает обладание массой знаний. Недостаточно знать свое дело: нужно, кроме идей, вытекающих непосредственно из данного дела, обладать бесконечным множеством других мыслей и познаний, выдвигаемых в желаемый момент. Нужно постоянно ставить идеи, порождаемые данным процессом, в связи с бесконечным множеством других идей и для каждого отношения, в которое могут стать данные процесса, нужно обладать несколькими терминами. При этом, чтобы употребить блестящее выражение, необходимо располагать весьма богатым умственным багажом, обладать величайшим запасом нужных средств.

Но это еще отнюдь не все – обладать идеями, нужными для данного дела и образующими обычный арсенал различных судебных речей. Важно также, – я скажу даже: в особенности важно, – чтобы эти идеи были ясными, точными. В этом именно пункте кроется обычное заблуждение. Сколько людей протестуют против приведенных нами слов Буало.

«Мы, говорят они, много читаем, у нас голова завалена знаниями, мы представляем вещи совершенно ясно, но мы не находим нужных выражений». Ошибка и иллюзия! Если вы не находите нужных выражений, то это значит, что вы не имеете ясного представления, потому что мысль становится ясной и определенной только в ту минуту, когда вы ее себе внутренне выразите.

Следовательно, существует точное совпадение между содержанием идеи и ее мысленным выражением. Следовательно, далее, вы устанавливаете явность мысли, лишь обдумав ее словесное выражение. Вы можете сделать в этом отношении наблюдение над самими собой. Вы видите пейзаж. Скажите себе, что вы желаете наблюдать специально известное дерево, именно его, а не другое, и вы почувствуете органическое побуждение выразить это в словах, известным выражением; вы услышите, как в вашем сознании зазвучат известные слова.

Одну из самых важных задач в образовании оратора составляет изучение словаря его языка и специальное изучение синонимов. Но это изучение слов не должно и не может идти отдельно от изучения идей. Невозможно выражать известную идею, не ища подходящего слова, но и невозможно оценить всю силу известного слова не представляя себе ясно идеи. Я сейчас укажу вам в этом отношении метод, который считаю долгом рекомендовать вам. Когда вы создадите себе привычку называть каждый предмет точным словом, выражающим его идею на том языке, на котором вы говорите, вы увидите, с какой легкостью тысячи слов окажутся в вашем распоряжении в ту минуту, когда вашему уму будет ясно представляться голосовое обозначение каждого из них. Тогда вы не смешаете ни «природы» с «бытием», ни «средств» с «способами», ни «созерцания» с «наблюдением», ни «замечаний» с «замечками», ни «мочь» с «уметь». Вы не будете употреблять тех варваризмов, тех бессмыслиц, которые так раздражают чуткого слушателя в наших обычных судебных речах. Итак, речь идет прежде всего о том, чтобы создать себе арсенал понятий и точно соответствующих им выражений, чтобы выработать себе ясное представление каждой идеи и уметь употреблять именно то слово, которое нужно для выражения ее.

Чтобы иметь значительный запас идей, понятий и нужных для выражений их слов, – ибо мы не будем более отделять идеи от слов, выражающих их – нужно открыть наши чувства, эти двери нашей души, выходящие во внешний мир (*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*). Нужно много, постоянно наблюдать, видеть, слышать, трогать, даже пробовать и нюхать. Нужно много читать, то есть, пользоваться наблюдением других людей,

заклученным в книгах; читать, без сомнения, юридические книги, но не ограничиваться ими, так как тот, кто ограничивается чтением только книг по известной специальности, становится человеком крайне односторонним, своего рода – маньяком. Специалист становится отрезанным от всех, заключенным в себе мономаном. Читайте газеты, журналы, романы, поэтические произведения; читайте научные сочинения, направляйте вашу любознательность по всем ветвям человеческого знания. Смелей, что бы там ни говорила старая школа! хотя бы она угрожала вам кличкой поверхностных людей! Я выигрывал процессы – и очень удачно – благодаря в значительной степени тому, что знал формулу эликсира Гаруса и терапевтическое значение ликера Fowler. Однажды я поздравлял себя с тем, что прочел случайно статью одного инженера о роли снарядов, предохраняющих от пыли при работе в каменноугольных коях. Каким образом станете вы судить об экспертизе, не владея техническими познаниями, не будучи знакомы с терминами данной специальности? А между тем нам каждый день приходится судить о механике, физике, химии, анатомии, медицине... Нужно ли, из боязни прослыть поверхностным, говорить каждый день в суде о вещах, самого названия которых вы не знаете? Может ли быть что-нибудь глупее положения адвоката, рассуждающего об известном случае с машиной на основании *lex aquilia* и статьи такой-то, тома того-то или не умеющего отличить двигателя от рычага, или делающего ученые замечания об отравлении стрихнином и останавливающегося чтобы спросить эксперта, не есть ли алкалоид вид солей, или смешивающего тимпанизм с тимпанитом.

Порхайте, как бабочка: читайте при всяком удобном случае, как только вам попадется книга, статья в журнале; читайте все, что вам попадется под руку из научной или изящной литературы: даже от такого чтения всегда что-нибудь останется.

Но не оставляйте в хаотическом виде, случайно нагроможденными друг на друга эти обрывки и наблюдения; приводите ваше случайное чтение к единству, делайте из него нечто целое путем изучения основных руководств по каждой науке; отдавайте себе строгий отчет в терминологии.

Основные понятия будут притягательными центрами, вокруг которых будут группироваться, по закону логического сродства, сведения, приобретенные *per modum lusus*.

Вы не сделаетесь ни медиком, ни физиком, ни химиком, но вы будете, по крайней мере, в состоянии понимать язык этих людей и в нужную минуту изучить глубже ту область знания, которая вам понадобится. Вы не будете говорить о связках, когда речь пойдет о мускулах, или о венах, когда заговорят об артериях, вы не смешаете мост ослов с квадратурой круга.

«Потеря времени», скажут мне все эти вечно занятые господа, употребляющие свои часы на ничегонеделание...

Ну, нет! Нет-с! Наоборот: это – сбережение времени! На эти чтения идет т. н. потерянное время в вагоне, в предобеденные минуты и т. д. Любознательный человек прочтет десяток страниц из курса естественной истории в то время, как другой считает ворон; он привыкает читать, анализировать, наблюдать, и когда он развернет книгу Захарии, то в десять минут поймет то, на разбор чего его противник, узкий специалист, употребит целый час.

Адвокат, как мольеровская женщина, должен иметь «понятия обо всем», и заметьте – «понятия» точные, ясные, а не темные, смутные представления. При наших общественных нравах, при функциях нашей судебной организации более, чем когда-либо адвокату нужно знать сущность всех предметов, подлежащих научному исследованию, иметь ясное понятие обо всех явлениях, хотя бы и не с самой глубокой стороны их; – но это совершенно не то, что поверхностное знание всего, доступного знанию. Он должен быть готов, при знании основных положений, быстро усвоить себе самые специальные стороны известного вопроса.

И разве общественное влияние, политическая роль сословия адвокатов не кроются именно в том, что мы, благодаря упражнению и привычке, обладаем даром идти с одинаковой легкостью по всем путям? Итак, приобретайте эту привычку усваивать себе

самые разнообразные предметы, но остерегайтесь поверхностности. Возьмите по каждой отрасли хорошего основного автора и после каждого чтения по этой специальности откройте ваше руководство, свяжите вновь приобретенные вами сведения с основными принципами, как вы делаете это с прочтенными вами статьями юридического журнала, которые вы сопоставляете с мнениями Захарии, Бодри-Лакотинри, Рено и т. д. Но приобретать таким путем знания еще не все: нужно, повторяю, чтобы эти знания были ясны, точны. Не ограничивайтесь наблюдениями и чтением: пишите, пишите много, пишите обо всем. Пишите по вопросам права, политической экономии, истории, по самым чуждым вашей профессии наукам. Пишите комедии, романы, стихи... Пожалуйста, не думайте, что я требую от вас, чтобы вы печатали ваши сочинения! Пишите для самих себя, для собственного упражнения и развития. Но только пишите! Рвите ваши рукописи, если хотите, но пишите. Вы изучили какой-нибудь вопрос; вам кажется, что вы нашли разрешение его: беритесь за перо! Вы испытали известное чувство по поводу того или другого события: беритесь за перо! Попробуйте выразить вашу идею, ваше чувство, анализируйте, воспроизведите!

Не стройте иллюзий: это будет длинный, тяжелый труд. Не останавливайтесь, пока не увидите ясно, что «вот оно!», что написанное на бумаге ясно выражает то, что у вас в голове или в сердце, что каждое слово вполне соответствует оттенкам вашего чувства, всецело выражает идею, и только тогда у вас будет хорошо написано, и только тогда, следовательно, вы хорошо продумали: до этой же минуты вы не имели ясной идеи; она лишь смутно, приблизительно обрисовывалась в вашем уме. Для того, чтобы путем сравнения вы убедились в сходстве каждой черты известного изображения с предметом, который оно изображает, вы должны произвести точный анализ каждой черты данного предмета.

IV

Классический метод заставляет писать т. н. сочинения.

Несчастное выражение; вводящее в заблуждение молодежь и заставляющее ее раздувать свои легкие, чтобы поднимать бурю в стакане воды. Заменим его астрономическим термином: будем делать т. н. резолюции.

Наши мысли суть, так сказать, туманные пятна. Разрешим их, приведем к резолюции при помощи тщательного рассмотрения в телескоп. Заметим каждый из элементов их, запишем на бумаге, каким путем образовалась в этом месте группа звезд.

Постоянно предавайтесь этому анализу; читайте книги с карандашом в руке, разделяйте текст их, часто очень трудно усвояемый, чертами, линиями, буквами, цифрами, подчеркивайте основную мысль, графически отделяйте аргументы. Берите перо и бумагу, запишите результаты анализа тома, главы, страницы. Отметьте двусмысленное, неясное слово, заставившее автора смешать две идеи, подчеркните слишком широкое или слишком узкое определение, испортившее рассуждение. Придите к убеждению, что очень мало авторов дают себе труд мыслить точно; не принимайте ничего на веру; читайте критически; не оставляйте книги или страницы до тех пор, пока вы не убедитесь в точности ее выводов или не изложите их на письме; не останавливайтесь, пока вы не построите тот силлогизм *in forma*, то единственное рассуждение, которое заключает само в себе доказательство своей истинности и все данные для убеждения в верности этих доказательств; не прекращайте работы, пока вы не получите в окончательном выводе следующего простого положения: две величины, равные третьей, равны между собой. Наблюдение, чтение, размышление должны завершаться в письменном изложении их результатов. Писать – вот истинная школа слова.

Читали ли вы, слушали ли вы когда-нибудь Эвдора Пирмеца? он был парадоксален, так как он анализировал идеи с такою силою проникновения, которая делала их ясными самым слабым головам! Он был поверхностен, потому что он знал естественные науки так же, как право, политическую экономию, финансы. Он писал брошюры о силе инерции,

о чеканке монеты, о социальном кризисе тем же пером, которое излагало доклады об уголовном кодексе и о законах для коммерческих обществ. И вместе с тем какая чудесная сила усвоения! Какая ясность мысли! Какая волшебная легкость изложения самых запутанных вещей, делавшая последние яснее белого дня! И как подчинялись мощи этого широкого и твердого ума все те, которые упрекали его и упрекали особенно за то, в чем он превосходил их.

Когда в заседании он излагал свое мнение в какой-нибудь из тех вдохновенных и очаровательных речей, в которых он далеко поднимался над обычной банальностью судебного красноречия, его слушатели мстили ему, иронически называя его речи «конференциями» за то, что этот волшебник заставлял их многому учиться, и они не могли найти недостаток в его логике.

Но вот вы, после долгих лет терпеливых занятий, приобрели большие познания, большую легкость в усвоении знаний, у вас образовался большой выбор слов для выражения ваших идей, большой навык в точном анализе: все ли это? стали ли оратором? – Нет! Еще нет!

Наблюдайте за тем, что вы делаете, когда пишете фразу за фразой, слово за словом вы говорили себе то, что вы писали. Таким образом, вы произносили свою речь прежде, чем ее записать. Кажется, что вам не нужно никаких специальных занятий, чтобы научиться формулировать вашу мысль устно. Однако наблюдение убеждает нас, что это не совсем так. Есть люди, которые умеют писать, но не умеют говорить. Это очень любопытный факт. Вот человек, который говорит раньше, чем писать, и он не умеет говорить, не записав своей речи. Попробуем понять это явление. Оно имеет двойную причину. Во-первых, пишущий записывает свою мысль по мере того, как она у него формулируется; он прибегает к помощи записи, чтобы облегчить свою память. Во-вторых, устремляя глаза на бумагу, он получает то преимущество, что его не отвлекают впечатления внешнего мира.

Поместите его перед аудиторией, и он растеряется в своих заметках: он будет подавлен присутствием толпы.

Отсюда следует, что оратор нуждается в дополнительном воспитании. Ему нужно так развить свою память, чтобы она не нуждалась ни в каких записях, и приучить себя не стесняться присутствием аудитории. Но заметьте хорошенько, что в данном случае умственная работа совершенно однородна, она только производится в других условиях. Речь идет лишь о том, чтобы выполнить тот же труд с одним орудием меньше и с одной трудностью больше. Письменное упражнение в размышлении сохраняет при этом свою полезность, но только нужно приучить себя, кроме того, к формулированию своей мысли не на письме, а выражая ее пред лицом аудитории.

Для достижения той и другой цели есть только одно средство, а именно: «fit fabricaudo faber». Нужно упражняться. Но не спешите слишком скоро идти в школу опыта; не пробуйте трудиться при условиях более трудных раньше, чем вы окажетесь в силах работать над тем же предметом при условиях менее трудных.

Сейчас я скажу о способе преодолеть трудности; я поговорю о месте и предмете первых ораторских упражнений. Если вы умно приметесь за дело, вы очень скоро найдете в аудитории не средство к стеснению и конфузливости, а помощь и сотрудничество. Впоследствии, когда вы будете говорить публично, берегитесь полагаться на одну импровизацию. Не ограничивайтесь только ею и возвращайтесь к письменному изложению своих размышлений, и каков бы ни был ваш успех, не оставляйте никогда этого способа. Импровизированная речь представляет опасность потерять все силы, то, что она выигрывает в живости. Кто пользуется только импровизацией, может быстро сделаться болтуном, пустомелей. Бывают изящные красноречивые говоруны; когда слышишь их в первый раз, они нравятся, но чем чаще слушаешь их, тем более испытываешь какое-то неприятное впечатление, кажется, что модуляции их речи приобретают звучность пустой бочки. Будьте уверены, что эти милые говоруны никогда не записывают своих речей и не заботятся о точной и строгой формулировке своих мыслей.

Нужно постоянно выковывать на наковальне письменного изложения пружины, которые иначе способны потерять свою эластичность в быстром течении горячего слова. Еще Квинтилиан говорил, что, говоря, учишься писать, а пища – говорить. Вдумчивый и неторопливый писатель, упражняясь в импровизации, приобретает легкость и известный полет слова. С другой стороны, оратор, упражняясь в письменном изложении, выигрывает в точности и содержательности своих рассуждений. Раз перед вами стоит известное препятствие, вернитесь к нему молча, размышляйте, запишите, и каков бы ни был ваш успех, будьте твердо уверены, что если вы будете пренебрегать молчаливым трудом в тиши кабинета, вы станете импровизатором в дурном смысле этого слова. Вы видите что если я, как казалось одну минуту, хвалил лень, то это продолжалось недолго, и вы готовы воскликнуть: «Разве нужно, чтобы все наши адвокаты стали Лейбницами, Гумбольдтами, или... Пик де Мирандолями!»

Нет! Камю требовал от адвокатов тринадцати часов труда в сутки, но это было в те времена, когда теряли время над экзегезами. Я отнюдь не требую столько: я довольствуюсь шестью часами... для других, само собой разумеется.

Стажер, который каждый день добросовестно работал бы два часа над изучением права, другие два часа проводил бы над приготовлением к порученным ему делам или над практическими занятиями у стряпчего (авое) или нотариуса, и остальные два часа читал бы с пером в руке или писал; который затем беседовал бы с умными людьми насколько возможно о предметах, имеющих отношение к его профессии; затем играл бы на бильярде, гулял, катался верхом, греб на лодке, строил какие-нибудь физические приборы, разобрал бы свои часы, чтобы познакомиться с их устройством, взобрался бы на локомотив, чтобы узнать, как им управляют, взял бы в руки нож и подровнял деревья, работал бы с заступом над посадкой картофеля, изучал бы живое право, наблюдая жизнь из своего окна, прыгая через рвы, перелезая через заборы, такой стажер через три года далеко опередил бы своих товарищей, т. е. тех, которые не работают или, подобно героям Вольтера, изучают законы Юстиниана, чтобы узнать обычаи Парижа.

Он опередил бы и тех, которые ограничиваются выжиманием лимона приготовительных работ, имея в виду выжать из него несуществующий сок, скальпируют Тронше и Камбасереса, веря, что в глубине почтенных голов этих ученых они найдут мысли, которых там никогда не было, и обретут разрешение вопросов, которыми мозг этих голов никогда не утруждал себя.

V

Перейдем к чувству. В этом отношении риторика выставляет следующее положение: «Pectus est quod disertos fasit». Я не верю этому афоризму, он безусловно ложен: «Caput est quod disertos fasit» – вот истина, и я сейчас это докажу.

Вы у себя дома изучили известное дело, вызывающее у вас глубокое волнение; вы чувствовали себя растроганным до слез; вы плакали. Это случается, это бывало и со мной, я не скрываю.

Перенеситесь в суд, поставьте себя перед судьями, холодными и бесстрашными, совершенно не знающими в начале вашей речи, будете ли вы говорить о конкуренте или о чести женщины. Последуйте буквально правилу: «pectus est quod disertos fasit», лейте слезы, говорите прерывающимся голосом, поднимайтесь до высокого пафоса, и вы вызовете сумасшедший хохот. Нет, кто умеет пледировать, тот остережется и проливать реки чувствительности. Он овладеет своим чувством, будет сдержан, начнет также холодно, как если бы он объяснял геометрическую задачу, проведет линии, начертит углы, постепенно шаг за шагом, составит целую фигуру, и только затем уже одушевит картину, обнаружив не вашу заранее готовую чувствительность, а данные дела, элементы, способные вызвать сильное чувство. И постепенно отзываясь на настроение аудитории, он возвысится до выражения чувств, которые подготовил предшествующим анализом дела.

Конечно, сердечность – сила, могучая, неизмеримая сила в ораторе, но она не составляет его главного, основного качества. Сердце может быть помехой, врагом, и оно же может быть помощником, союзником. Разум, анализирующий разум, должен сдерживать его в подчинении, предписывает ему молчание, позволять в нужную минуту раскрыть все его силы, заставить его дать почувствовать аудитории биение сердца оратора и вызвать в ней наибольшее сочувствие. А воображение! Сколько ложных идей высказывалось по отношению к нему! По-видимому, воображение создает образы, представления о вещах. На самом же деле, оно только комбинирует данные элементы, собранные наблюдением. То, что называют воображением, это не более, как манекенный мастер. Последний рассекает, разлагает сотни, тысячи существ, которых он встречает, отликает части, хранит их в своем магазине и составляет из них ту или другую нужную фигуру. Поэт отнюдь не был обязан созданием образа сирены какому-нибудь мгновенному порождению своего воображения. Он видел женщину, *mulier formosa superna*, он видел хвост рыбы, и он приставил туловище женщины к хвосту рыбы, как мальчики, разбив свои игрушки, приставляют голову лошади к туловищу обезглавленного полишинеля и наслаждаются новой фигуркой с любовью автора к созданию его гения.

Если для оратора необходимо обладать способностью легко группировать свои идеи, ассоциировать представления о вещах, то для этого есть только один способ: привычка к анализованию своих идей, к размещению образов, по их местам и линиям, сообразно поверхности и перспективе места.

Мне не остается ничего исправлять, ничего прибавлять к тому, что я сказал. Идет ли речь о рассудке, о чувстве, о воображении, – закон один и тот же: нужно приучить себя развивать все способности души; но этого отнюдь не достаточно, и нужно изучить механизм каждого представления, происходит ли последнее из познания или чувствования. Способность поддаваться непосредственным впечатлениям губительна для оратора; ему нужно быть аналитиком.

Следуя этим правилам, оратор будет владеть всеми своими способностями, всей энергией речи. Но ни одна из его способностей не может проявляться без руководства главной, основной способности – разума. Разум должен держать их всех в руках и распределять их роли сообразно обстоятельствам.

VI

Оратор с внутренней, психической стороны готов. Но оратор состоит не из одной души, он имеет и тело. И тело это с своими органами представляет инструмент, который часто делается самым страшным врагом своего господина.

Я не могу все сказать по отношению к этому предмету: тысяча и одна вещь касается здесь ортопедистов и... дантистов. О других следует говорить терапевту и гигиенисту; многое относится к гимнастике и методическому режиму организма. Мы лишь скажем несколько слов о связи между психической деятельностью и физическими органами, как выразителями ее, мы говорим о том, что я охотно назвал бы воспитанием нервной системы оратора.

Умственное состояние прирожденного, талантливого оратора выражается с физиологической стороны в крайней нервной возбудимости. Его нервы должны быть готовы передавать депеши всем чувствам со стремительной быстротой, они должны приводить в действие целый ряд приспособлений.

Они должны быть напряжены и приготовлены ко всем функциям, которые могут потребоваться от них. И только такой оратор – настоящий оратор.

Опыт обнаруживает перед нами опасности такого состояния органического возбуждения. В нем заключаются, прежде всего, крайняя впечатлительность по отношению к внешнему миру. Отсюда смущение, страх, который так действует на молодых ораторов и парализует их силы.

Мы найдем и крайнюю возбудимость с точки зрения органического сопротивления: известный орган отказывается действовать, он замедляет свою деятельность в нужную минуту, отчего происходят невыразимые страдания.

Наконец, нервное возбуждение, не достаточно поддающееся контролю воли, вызывает в том или другом органе крайнюю деятельность, отчего появляется известное повышение голоса, злоупотребление жестами и т. н. ораторский тик.

Ужасная вещь это смущение оратора перед своей аудиторией! Ведь, чтобы передать в нужной связи всю совокупность явлений, которых касается речь, оратору нужно быть перед аудиторией спокойным, как в своем кресле.

Что же нужно делать, чтобы приобрести это самообладание? Нужно приучиться к появлению перед аудиторией. Это ясно. Но как этого достигнуть?

Вот вы прогуливаетесь в толпе... ее присутствие не действует на вас.

Вы находитесь в судебном заседании в тот день, когда вам не предстоит пледировать, вы наблюдаете аудиторию, перед которой ваш товарищ будет говорить речь, – вы ничего не испытываете. И только в ту минуту, когда вы говорите, вы чувствуете стеснение, смущение. Именно в ту минуту, когда вам необходимо быть, так сказать, во всеоружии, ваши нервы не выдерживают впечатления, полученного от аудитории.

Указание на лекарство намечается: нужно стараться пройти через состояние промежуточности между тем, когда вы не получаете никакого впечатления, и когда вы чувствуете волнение перед речью.

Не пробуйте, как бы вы мало ни подвергались смущению, приучить себя к публике сразу при помощи публичных речей. Приступайте к публичному слову в менее напряженном состоянии.

Попробуйте сначала публичное чтение. Читайте в каком-нибудь собрании отрывки, читанные уже вами на досуге, у себя дома, выбирайте такие, которые вы твердо знаете наизусть, чтобы быть в состоянии отрывать ваши глаза от текста и пробегать взглядом собрание; читайте те страницы, которые вы проанализировали с величайшим старанием и усвоили настолько, что при чтении вы совершенно ясно представляете себе идеи и воспроизводите чувства. У вас не будет страха, что вы слишком кратки, у вас будет уверенность, что вы можете продолжать речь, вы, если я смею так выразиться, приучите себя к присутствию толпы, вы усвоите себе привычку размышлять, чувствовать, видеть мысленно в присутствии аудитории. По истечении самого короткого времени, через несколько недель, вы с удивлением заметите в себе способности читать вслух перед сотней людей так же легко, как вы читаете в вагоне железной дороги.

Победив в себе чувство робости, вы будете в состоянии попробовать импровизацию.

Упражняясь таким образом в течение некоторого времени, вы победите то, что я назвал органическими препятствиями. Гарантированные против печального последствия смущения – потери способности связывать мысли, вы будете в состоянии постепенно заняться вашим телом и обратить внимание на голос, произношение, жесты, манеру держаться. Вы приучите ваши органы производить те эффекты, которые вам нужны. Освобожденные, благодаря печатному тексту, от мозгового труда импровизации, вы приучите ваши органы к функциям, которые они должны выполнять по вашему желанию. Это же упражнение позволит вам дисциплинировать ваши органы и их иннервацию. Оратор в начале своей деятельности, отдаваясь импровизации, не может в достаточной степени думать о необходимости держать свой голос в среднем регистре или умерять жесты. Ему невозможно, когда он занят творчеством, обращать внимание на эти, так сказать, аксессуарные условия его работы. Вы не подумайте, что одни только дебютанты не умеют удерживать свои движения в умеренных границах: я близко знал людей, которые после пятнадцатилетней деятельности на ораторском поприще, должны были приучаться поменьше жестикулировать и сдерживать голос, и это происходило от непривычки читать правильно вслух, от отсутствия воспитания органов.

Чтение избавляет от затраты труда на творчество, на расположение частей речи,

и таким образом внимание отдается деталям – и важным деталям, за которыми оно не в состоянии следить в жару импровизации.

Обратите ваше внимание, дорогие товарищи, на логику и единство всей системы. Речь идет о приобретении вами способности импровизации. Тут вы встречаете целую серию явлений психических; рядом с ними стоит целый ряд физических условий. Необходимо приучить себя производить явления того и другого порядка в их полнейшей связи, все разом. Я возвращаюсь к идее анализа, на которой я так настаивал. Приучайтесь аналитически производить эти явления, развивайте вашу мысль, которую так трудно выразить при условиях публичного слова, приучайтесь мыслить с пером в руках, т. е., иначе говоря, вне условий публичной речи. Развивайте в себе способность к публичной речи, которую так трудно управлять под стремительным напором мысли, приучайтесь говорить по печатному тексту, т. е., иначе говоря, вне трудности формулировать свою мысль. Приучайтесь к каждому из условий публичной речи, занимаясь им отдельно от других; и когда вы приобретете таким образом привычку к ежедневному употреблению каждой из тех вещей, совокупность которых называется публичной речью, когда вы приучите себя сознательно употреблять каждую из этих вещей, вы самым лучшим образом приучите себя пользоваться ими в полной связи. Приобретя легкость каждого движения, каждого отдельного момента речи, вы этим самым приобретете такую легкость и свободу духа, что вы будете в состоянии свободно пользоваться всеми условиями ораторской речи.

Таким путем пианист изучает отдельно сольфеджио и аппликатуру, таким путем он читает ноты, потом аккорды, работает над пальцами, над кистью руки, чтобы после долгих и трудных упражнений, уже как артист читать и исполнять самые сложные пьесы или, как композитор, импровизировать свои произведения, не думая больше ни о нотах, ни о клавишах, ни о руках. Настолько привычка сделала для него вполне легким внешне выражения того, о чем он исключительно думает – музыкальных идей.

VII

Итак, вот что нужно для общей подготовки...

Вы приобрели привычку к аналитической мысли, вы в достаточной степени привыкли стоять перед аудиторией. И вот, вы готовы быть оратором, вы уверены, что будете красноречивы. Вы намерены защищать известное дело. Бога ради, не приготавливайте вашей речи. Не теряйте времени на отделку фраз. Тут нужны идеи. Не забавляйтесь накоплением запасов красноречия. Консервы всегда отдадут запахом жестяной коробки. Избалованный вкус судьи отказывается от них. Не верьте риторам, которые советуют изучать периоды какого-нибудь древнего автора, чтобы приучать ухо к каким-то ораторским оборотам. Инструменты настраивают только в концертной зале.

Если вы будете приготавливать ваши речи, вы погибли: они наверно будут посредственными, слишком длинными или слишком краткими, слишком горячими или слишком холодными, – но, бесспорно, не уместными.

Итак, не приготавливайте ваших речей, но учитесь говорить речи; изучайте порученное вам дело, относитесь к нему с самым глубоким вниманием, анализируйте его со всех сторон. Исследуйте фактическую сторону со всеми деталями со всех точек зрения. Изучайте правовые вопросы, порождаемые этим процессом, даже те, которые он может породить, если бы его рассматривать с неверной точки зрения. Постигайте ваш процесс во всех его данных. Давайте волю вашим душевным движениям, но размышляйте над ними, отдавайте себе ясный отчет, что именно вы испытываете: негодование или презрение, гнев или отвращение, удивление или симпатию, сознайте ясно, чем вызвано ваше чувство, что именно породило его: лица, или факты. Бойтесь беглых, неясных впечатлений. Анализа, больше анализа.

Затем пишите. Не речь, нет! даже не план речи... нет... Речь вы составите во время заседания; не думайте над ней до заседания.

Изложить на письме следует точное исследование процесса, тщательный разбор его для себя, следует запечатлеть, так сказать, ваш труд, работу вашей мысли над усвоением процесса. Вы познаете тогда всю истину известного выражения: верно поставить вопрос – значит разрешить его. Но заметьте, что ваше изложение должно дать именно точную, всестороннюю, верную постановку вопроса.

Вы должны точно и ясно поставить перед собой всю совокупность объективных данных процесса. При этой работе не довольствуйтесь никаким приблизительным изложением мысли, не употребляйте ни одного слова, которое не выражало бы известное понятие самым точным, самым строгим образом. Рассекайте каждое положение, не останавливайтесь, пока ваш анализ не даст вам математически строгого выражения.

При таком изложении, вы запасетесь всеми аргументами, которые могут иметь объективную ценность во время процесса. Вы не употребите ни одного так называемого, «ораторского средства» т. е., иначе говоря, ни одного из тех ложных аргументов, которые производят поверхностное, легкое впечатление, разлетаясь, как дым, при строгом анализе мысли. Единственно, что можно написать перед произнесением речи, это заключительную часть ее, формулирующую ваши требования. Но заключение принадлежит к совершенно иному строю идей, чем сама речь. Заключение чуждо аргументации, оно, собственно говоря, не выполняет функций судебной речи, оно содержит в себе известные требования, выводы, исковые формулы, а речь в собственном смысле включает в себе аргументы в пользу этих формул, выводов и требований. Заключительная часть есть дело юриконсульта, поверенного (avoque), а речь – дело оратора. Юриконсульт, поверенный заканчивает свою роль, изложив то, о чем он будет ходатайствовать. Оратор начинает свою роль с момента начала речи, аргументации в пользу этих ходатайств. Иногда на сцену является третье лицо: докладчик, пишущий мемуар, докладную записку, но эти последние подчиняются правилам письменного изложения. Я же здесь не веду речи об исковых формулах или о докладных записках: я рассуждаю о судебной речи.

Идите в суд без всяких записей, кроме заметок, составленных при анализе дела. Положите эти заметки около себя, как вы кладете вашу папку с делом. Заметки эти, как и дело, не заключают в себе вашей речи. Они, как и бумаги в папке, составляют предмет дела, объект процесса, о котором вы будете говорить. Позвольте мне объяснить мою мысль в несколько тривиальной форме. Представьте, что вы производите оценку коллекции медалей, поступающих в продажу. Вы последовательно берете в руки ту или другую медаль, читаете ее надписи, открываете каталог и сравниваете с сведениями, которые он дает. Так же и в процессе: вы производите оценку вашего процесса, юридической и фактической стороны его. Рассматривайте ваши заметки, как каталог данных этого процесса, но не заглядывайте в них вперед. Самую же оценку производите тут, в заседании импровизируйте ее.

Вы готовитесь произнести речь в суде. Последняя не есть продукт чисто философского рассуждения. Приемы легкой ораторской речи также будут в ней уместны, но именно как легкие, мимолетные блески. Но в общем вся речь, целиком должна быть направлена к тому, чтобы привести судью к тем именно положениям, к которым пришли вы при анализе дела. Судья найдет свое убеждение в ваших бумагах по этому делу. Устное изложение дела должно его приготовить к восприятию того, что заключается в них и что вы признаете за истину.

Итак, приступайте к делу! Если вы обладаете запасом идей и слов, вы не испытаете ни малейшего затруднения. Ясно представляя себе дело вы будете обладать могуществом непосредственного, естественного красноречия.

При помощи аналитического изучения дела вы получите способность руководить сознательно последовательностью ваших идей. Приступайте к делу! Вы выполните все правила риторики. Я вам ручаюсь в этом⁶.

---

⁶ Нельзя не признать, что эта часть рассуждения де Бетса в самой серьезной степени освобождает его

VIII

Обыкновенно предъявляют к судебной речи четыре требования: она должна быть ясной, краткой, последовательной и единой, цельной.

Я лично требовал бы одного правила: судебная речь должна быть методичной; но метод ее должен быть истинный. Оратор, который следует истинному методу, не должен заботиться ни о том, чтобы быть ясным, кратким, ни о том, чтобы все сказать в единой, цельной речи: он будет обладать всеми этими качествами, не заботясь о них.

Вот основное положение, которое нужно доказать. Да, речь должна быть построена по известному методу. Но что это означает? Какой метод следует избрать? Тот, который вы определили наперед, рискует оказаться вполне негодным в момент, когда вы будете произносить вашу речь.

Единственно хороший метод тот, который может доставить вам успех. Действительно, успех вашего метода не зависит ни от процесса, ни от вас; он заключается главным образом в субъективных условиях ваших слушателей. Цель, задача вашей речи состоит в том, чтобы привести судью к убеждению в истинности тех выводов, которые вы ему предлагаете. Для этого необходимо заставить его принять ваши доводы в их объективной ценности. Строгая связь идей, аргументов – вот план рассуждения, которое вы ведете перед судьей. Эта связь должна быть совершенно точной и ясной вам самому. И вот именно, чтобы достигнуть этой ясности и точности, вы и должны с крайней тщательностью запечатлеть связь ваших идей и аргументов в ваших заметках при анализе дела. Тогда судья пройдет последовательно с вами ваши рассуждения, он неминуемо придет к тому выводу, к которому вы именно желаете его привести. Но необходимо принимать во внимание душевную деятельность судьи в том виде, как она существует, быть может с рассеянностью, предубеждением, с полным незнанием обстоятельств дела, только с известным относительным знанием относящихся к нему вопросов права.

И вот, как только вы начнете говорить, ум судьи начнет работать; но он пойдет от своей отправной точки, не от вашей; он не подчинится вашему отправлению, а отдастся своим собственным впечатлениям.

Необходимо пристать к нему на том пути, по которому он идет, чтобы мягко, незаметно свернуть по тому направлению, куда вам желательно вести его.

Таким образом план вашей речи, по необходимости, должен подчиниться изменениям, стремясь лишь, насколько возможно, приблизиться к отвлеченному, теоретически созданному плану. Вы будете стараться строго следовать построенной вами связи идей. Вы знаете ваш путь; он совершенно ясно рисуется перед вашими глазами. Ведите к нему вашего судью, если он дает себя вести, и старайтесь, чтобы он шел вместе с вами. Но как только вы почувствуете, что он уклоняется от вас, или даже только колеблется за вами следовать, не продолжайте вашего пути один, так как в противном случае ваш слушатель еще более уклонится от вас или совсем остановится. Остановитесь, последуйте за вашим спутником. Дайте крюку, обойдите вокруг, пойдите в обход, приведите его к развилине дороги или выйдите на большую дорогу вместе с ним, в некотором расстоянии от этой развилины. Покажите ему карту, объясните допущенную ошибку, не спешите, чтобы он выразил вам жестом, взглядом, быть может, подчеркнутым молчанием, что он понимает ваше стремление найти верный путь; и затем опять идите, снова отходите в сторону, опять совершайте обходы; бросьте шоссе, если тропинка может вас привести скорее к цели, но не теряйте из виду большой дороги, следуйте ей, насколько возможно. Если ваш спутник на этом пути окажется крайне упорным, а ваш противник ловко идет по его следам, и вы не в состоянии силою увести его, не покидайте его на пути, взятом вашим противником.

от упреков, которые делает ему г. Левенстим в упомянутой работе по поводу совета не готовить речей. Трудно представить себе более серьезное приготовление к делу, чем то, которого требует де Бетс. Примеч. переводч.

Приготовьтесь вполне спокойно к расследованию на другом пути, но пользуйтесь всеми случаями обнаружить пред судьей все тернии и рытвины этого пути, овраги и каменистости, болота и трясины; постоянно твердите ему открыто или намеками, что другая дорога, по которой вы вели его, была гораздо красивее, удобнее, вернее, старайтесь внушить ему весь ужас той дороги, по которой пошли вопреки вам. Быть может, снова предпринимая этот путь перед решением дела, перед обсуждением его, судья опять пойдет по дороге, проложенной вами в его уме.

Итак, существует два плана: один – точный, правильный, неизменный, – тот, который следует провести в голове судьи, и это – путь аналитического изучения дела, это, так сказать, научный итог процесса; другой – подвижной, который весь целиком должен создаться в самом заседании и там умереть, так как он рождается из фактов, явившихся при самом слушании дела, и не может переживать последнее.

Первый путь – это процесс сам в себе, как его создает адвокат, второй – произведение аудитории, судьи, противника, обстоятельств заседания.

Искусство говорить на суде состоит в умении воспользоваться планом, созданным заседанием по делу, в целях той концепции дела, которую оратор создал сам и которую он желает провести.

Какого совершенного знания условий судебного спора, анализа его основных требований, какого умения расчлнить структуру процесса, чтобы затем воссоздать ее по своей воле, требует это искусство! Сколько требуется свободы, живости мысли, независимости от всякого заранее составленного плана речи, абсолютной свободы развития мысли, чтобы, употребляя самые разнообразные средства смотря по обстоятельствам сохранить в уме слушателя, покидающего заседание, только одно воспоминание о последовательном рассуждении, о том пути, которым его привели к известному убеждению, без копошащегося в душе сомнения, что его мысль отравили безысходной диалектикой. Итак, остерегайтесь приходить в аудиторию, не имея плана глубоко продуманного, последовательного рассуждения; от него уже будет зависеть и план вашей речи; но не являйтесь с одним лишь чисто внешним, ораторским, планом речи. Не готовьте никакого вступления (*exordium*). Если это будет необходимо, оно явится само собой; в противном случае – оно совсем и не нужно. Начинайте совершенно просто: «Милостивые государи, речь идет о том-то»... и продолжайте дальше. Если вы хорошо изучили ваше дело, вы его изложите так же легко, как если бы вы рассказывали вашим друзьям приключения какой-нибудь прогулки.

Не затрудняйте себя формулированием заранее так называемой темы рассуждения (*propositio*). Она явится само собою из изложения дела. Вы сами почувствуете необходимость сказать: «Вот центр дела, вот в чем расходятся стороны», и вы без всякого затруднения формулируете сущность спора, как вы это сделали бы в простом разговоре, разъясняя спорный пункт известного вопроса именно тогда, когда ваш собеседник готов согласиться с вами. И если вы у себя дома в течении целых часов, дней будете работать над уяснением основных положений процесса, вы совершенно свободно и легко будете излагать их в заседании.

Не записывайте также заранее плана доказательств. Не располагайте заранее в известном порядке ваши аргументы. Если вы хорошо знаете ваше дело, вы ясно представите себе все ваши силы, особенно благодаря возбуждению душевной деятельности от присутствия аудитории: вот ваша пехота, там кавалерия, здесь ваши пушки, а вот и орудия вашего противника. Подобно солдату на войне, вы на поле битвы не всегда можете осуществить заранее составленный план: вы сами, ваш противник, жест судьи, подчеркнутое слово, тысяча незначительных вещей определяют способ битвы. Может случиться (это бывает реже, чем думают, но иногда случается с истцом и апеллятором), что ничто не помешает вашей стратегике; вам предоставляется совершенно свободно развивать ваше положение. В таком случае это не битва, а смотр. Пускайте свободно ваши колонны, развивайте свободно ваши аргументацию, и в этом случае вы просто изложите дело,

представив связь его фактической и юридической стороны. В этом случае, но только в этом случае, вы можете вполне следовать плану ваших заметок по делу. Постарайтесь уяснить судье расположение вашего боевого отряда, назовите ему имена полков, рот, покажите ему вашу образцовую боевую часть, ловкого стрелка, но не довольствуйтесь дефилированием вашей армии, произведите ловкую, восторженную оценку ее. Если ваши солдаты теперь лишь дефилируют, то ведь им придется сейчас, и притом без вас, сражаться, так как решительная битва аргументов наступает при постановке решения. Там, у себя в кабинете, судья наведет подозрную трубу на поле битвы: заставьте же его помнить об отрядах, на которые вы рассчитываете; пусть он не теряет их из виду, а пусть он следит за их движениями во время битвы.

Но не представляйте судье счета пуговиц на мундирах, не перечисляйте перед ним ни ружей, ни штыков. Если вы хороший генерал, вы, конечно, позаботитесь и о деталях, так как крепкие подошвы для пехоты так же важны, как и артиллерийские снаряды. Довольно, если вы одним словом очертите хорошее состояние людей и запасов. Но, как только ваш парад чем-нибудь расстроен, соберите все ваше внимание. Наблюдайте за судьей и в особенности за вашим противником. Обратите внимание и на публику и на всю окружающую обстановку.

Судья морщит лоб, вы видите усилия на его лице, он с трудом принимает ваши аргументы. Проход слишком узок, разделите роты: взвод за взводом, они легко пройдут. Лицо судьи проясняется, напряжение мысли кажется меньше; путь стал шире, собирайте ваши отряды, сжимайте колонны, ускоряйте шаг.

Внимание слабнет, устает рассматривать бесконечные, монотонные, тяжелые ряды пехоты: пошлите адъютанта, рысь его лошади отвлечет внимание. Пуст это будет игра слов, анекдот, сравнение, что угодно, лишь бы всадник хорошо сидел в седле: он развлечет на минуту внимание.

Каждую минуту вы чувствуете кругом себя врага; какой-нибудь один выстрел, перерыв, и битва может загореться. Вам нужно сейчас же без замедления обратить наступающего в бегство, если вы имеете дело с отдаленным постом; если перед вами ядро армии, принимайте битву. Соразмеряйте хорошенько отбой с атакой. Умейте в одну минуту развернуть фронт, пустить кавалерийский отряд; умейте располагать ваши силы, отразите одним словом набег и, ободренные вашим успехом, продолжайте триумфальный марш. Если ваш противник плохо выбрал путь, пользуйтесь этим, чтобы сконцентрировать ваши силы и сражаться с успехом. Но вот завязалось дело. Обращайте внимание на местность, на силы, которыми вы располагаете в эту минуту. Не держитесь непременно заранее составленного плана, не говорите: *ne varietur*. Вы знаете, что правое крыло вашего врага сильно, а левое лишь блещет султанами и касками и рассеется при первом выстреле. Не водите же ваши полки один за другим на смерть в порядке заранее намеченного распределения; пустите картонную бомбу, чтобы поселить страх среди трусов левого крыла; дайте одну минуту судье вашего сражения позабавиться их замешательством, потом атакуйте врага в сильном пункте, но наблюдайте хорошенько ситуацию. Не стреляйте, прежде чем достигнете расстояния выстрела; не посылайте ваших людей под стену, которая рушится; не отряжайте кавалерию в реку. Не пускайтесь в ученые рассуждения по поводу какого-либо вопроса, уже разрешенного судом в одном из решений того же дня, когда слушается и ваше дело. Ограничьтесь в вашей атаке сообразно с признаниями, которые сами собою обнаруживаются, словом, применяясь к каждому из тех актов, которые во время заседания видоизменяют процесс, ценность, силу, уместность и место каждого аргумента.

Дайте волю увлечению. Если вы чувствуете, что враг поддается, идите на приступ.

В огне вы оцените силу ваших отрядов.

Не заготовляйте вперед заключения вашей речи. Как можете вы знать сегодня, у себя в кабинете, настроение аудитории, в унисон которому вы должны будете кончать вашу речь завтра? Обстоятельства должны дать материал для вашего заключения, если бы оно понадобилось, подобно тому как они же должны были сделать это для вступления.

Если обстоятельства не дают этого материала, значит заключения не нужно: кончайте вашу речь римским «dixi» – «я сказал», и сядьте. Не надо бесполезных фанфар. Когда нечего сказать, молчите! При этой системе речь не может показаться тусклой, безвкусной, утомительной. Она внушена тем, что происходит перед судьей.

Ему не преподносят повествования о какой-то истории, которая произошла неведомо где между какими-то неизвестными ему людьми. Он видит перед собою живой, активный бой, турнир, битву. Много раздается жалоб на судей, которые или спят в заседании, или если и не спят, то предаются своим мечтам или болтают. Но давайте, рассудим добросовестно, с человеческой точки зрения, возможно ли оставаться прикованным в течение трех часов к своему креслу и слушать речь, приготовленную вчера в тиши кабинета и вертящую, как бобина в аппарате Морза или в цилиндре фонографа, вчерашние мысли, вчерашнюю игру остроумия, вчерашние чувствования, нанизанные, подобранные вчера в кабинете? Возможно ли, чтобы между адвокатом, передающим при обстоятельствах сегодняшнего дня мысль, формулированную при условиях вчерашнего дня, и судьей образовался тот ток, та индукция, которые могли бы породить в мозгу судьи органическое, живое возбуждение, когда последнее живет лишь как воспоминание в мозгу адвоката?

Но пусть лишь судья заметит в habitus адвоката, в его слове, жесте, взгляде живое возбуждение энергичной деятельности, и взгляд слушателя прикуется к взгляду оратора. Между ними образуется с вполне ощутимой явственностью умственная связь, своего рода ток высокой силы.

Произнося речь, вы почувствуете, вы увидите ясное действие ее на судью; вы тотчас заметите, идет ли его умственная работа в унисон с вашей. Взгляд судьи делается вашим помощником; вы прочтете в его глазах, ясна ли ваша речь; вы испытаете впечатление настойчивого допроса, принуждающего вас выяснять возможно лучше вашу мысль, выражая ее как можно понятнее и точнее. Вы будете вместе работать, как я уже говорил; это будет совместный труд в поисках за точными и живыми идеями.

Испытайте эту систему. Судья не будет болтать во время вашей речи; он устремит на вас свой взор, как вы на него, до тех пор, пока вы оба не убедитесь, что известный аргумент принял окончательную форму, получил полную силу, и тогда лишь ваше сотрудничество кончится; вы опустите свой взгляд, судья отвернется от вас, и если вы дадите ему минуту отдыха, он пошепчется с соседом, но вы не жалуйтесь на это: он усвоил ваши аргументы, он говорит за или против них, но он говорит о них, он размышляет о ваших словах.

Начинайте вновь вашу речь: индукция возобновится. И заметьте, когда вы поставите себя таким путем в общение с судьей, когда вы будете вместе работать над уяснением ваших мыслей, станет невозможным для вас не быть искренним в выражении вашего мнения, и само собою у судьи образуется убеждение в вашей искренности. Ведь легко приготовить заранее в холодном размышлении разные хитрые доказательства и затем повторять их; но невозможно рассуждать вслух, при возбуждении от публичного заседания, не сжимая при этом рассуждения до такой степени, чтобы заставить выскочить разные и тонкие хитросплетения между идеями.

IX

Скажите мне, возможно ли, чтобы при этой системе речь не была ясной?

Лиувилл написал относительно ясности речи следующие прелестные строки, полные милой наивности: «Стыдно адвокату, который не умеет быть ясным. Что сказать о нем, чтобы поразить его проклятием? Что его просили открыть окно, а он хочет закрыт ставни? Этого мало, – что он похож на обезьяну в басне, показывавшую волшебный фонарь, не засветив его? И этого мало. Нет, надо сказать, что, будучи дан в проводники судье, он начинает путь с обмана и сбивает его с пути».

Речь обязательно должна быть ясной, и я охотно присоединяюсь ко всем проклятиям

Лиувилля.

Но какие для этого существуют средства, кроме самого точного, детального знания дела? Я не понимаю, как можно ясно излагать то, чего сам ясно не понимаешь. Но я также мало понимаю возможность запутанного, неясного изложения дела, когда хорошо усвоил себе предмет. Какое может быть другое средство кроме подвижности, гибкости плана речи, получения его из рук слушателя? Но бывает ясность и ясность. Речь может быть совершенно ясной сама по себе, особенно для вас самих, и не давать никакого ясного представления о деле слушателю. Ведь судьи не знают ни одного факта из тех, которые вам известны в совершенстве, и как бы они ни были специально образованы, они хуже вас знают юридические вопросы, относящиеся к данному делу, так как вы пользуетесь преимуществом недавнего изучения этих вопросов.

Итак, будьте осторожны. То, что само по себе и вполне ясно, то, что для вас кажется очевидным, для них может казаться непонятным. Не открывайте сразу и быстро фонарь, освещающий процесс. Этот фонарь содержит в себе целый пук лучей. Выпускайте эти лучи постепенно. Рассуждайте аналитически, и для этого поступайте так, как я вам говорил: станьте в тесное общение с судьями. Наблюдайте за приспособлением их глаз. Смотря по тому, хорошо или дурно освещены для них предметы, удаляйте или приближайте ваш фонарь, убавляйте огонь или освещайте полным пламенем. Отнюдь не давайте вашим слушателям вполне готовых выводов, излагайте их постепенно, разлагайте их на основные элементы, в быстрой или медленной последовательности, смотря по обстоятельствам дела.

Дайте судье время самому связать в один логический узел воспринятые мысли и усвоенные данные дела. Выводите заключение в тот самый момент, когда и он умозаключает вместе с вами.

Не торопите мысль судьи, иначе вы утомите его. Но и не отставайте от нее, иначе вы наскучите ему. В обоих случаях вы потеряете его внимание. Дайте ему то удовлетворение ума, когда он чувствует, что сам пришел к известному выводу в тот именно момент, когда и вы подходите к нему. Судья будет считать вас самым приятным спутником, а вы будете в восторге от него; идя ровным шагом, вы оба пойдете бодро, без утомления.

То же правило, которое служит средством к ясности, приводит и к краткости. Нужно говорить перед судьей именно до того момента, пока внутренне он умозаключает вместе с вами, и раз этот момент наступил, нужно перестать говорить, не надо настаивать на том, что ясно для судьи.

Повторяю еще раз, что этот результат возможен только при двойном условии: при хорошем знании того, к какому именно выводу желают привести слушателя, и при живом, полном, тесном внутреннем общении с ним, при умении читать в глазах судьи, что он «схватил», усвоил мысль.

Что же сказать об единстве речи? Ведь оно неминуемо будет достигнуто при этих условиях. Если адвокат ясно представляет себе строгие выводы, которые могут привести его к главному, основному выводу процесса, и если он настойчиво, постоянно рассуждает с судьей в мысленной беседе с ним, то он никак не может заблудиться в отступлениях; стараясь рассуждать с судьей, делать все свои выводы вместе с ним, он не может уклониться от своего предмета, иначе он принужден будет сам громко заявить, что он пустился в отступления. Но ведь не сознаются перед судьей, что произносят речь для того, чтобы говорить о предметах, чуждых делу; не признаются, что говорят для публики, не заявляют же громко, что выпрашивают аплодисменты у толпы.

Х

Более не нужно будет правил относительно стиля, произношения, жестов, размера речи. Единственное ораторское правило относительно этих четырех предметов – это приличие в относительном смысле этого слова, приличие относительно предмета дела, аудитории и обстоятельств, при которых слушается дело. Остальное – дело общего

образования. Конечно, если я прихожу в заседание без другого приготовления, кроме весьма старательного анализа моего дела и построения аргументов, на началах строгого размышления о годности каждого из них; если относительно самой речи я предоставлю дело вдохновению минуты; если я в самом заседании составляю мой план, всю систему моей защиты, то какая мне надобность в правилах для стиля, произношения, жестов, манеры речи? Я ни одной минуты не стану задумываться об этих вещах; я не стану отделять ни моего стиля, ни произношения, ни жестов, ни размера речи: их дадут мне аудитория, дело, окружающая среда. Я не стану придумывать тон, в котором следует вести дело: я получу его в свое время.

Я прихожу в заседание с философским рассуждением в руках. Если я воодушевляюсь, если меня трогает дело, если я негодую, это не мною создано; это дело магнетического тока между моими судьями и мною – так называют необъяснимое внушение. Я испытываю, но я не действую; я воспроизвожу, но я не создаю. В начале речи мое возбуждение проявлялось в легкой, едва заметной степени, мой взгляд был устремлен на судейский стол; я чувствовал, не отдавая себе отчета, что «это начинается»; что мой тон гармонирует с настроением суда, и, как в электрической машине, сила тока возросла. Мое возбуждение росло по мере того, как оно сообщалось суду. Пусть мой стиль будет изящным или грубым, мои жесты грациозными или неуклюжими, мое произношение изысканным или вульгарным, моя манера говорить благородной или шаблонной – тон, которым я буду излагать мои чувства, не будет фальшивым; он не может быть таким. Сколько могущества, дорогие собратья, в этом свободном красноречии, вдохновляющемся в зале заседания, зарождающимся от своих идей, вибрирующем от своих живых чувствовании, всецело идущем в унисон с слушателями, заставляющим их силою своей мысли, своего увлечения принять истину, созревшую при холодном, спокойном размышлении, продуманную с терпением, тщательно приведенную к известному синтезу!

Такова высокая и законная концепция роли адвоката.

Мы не риторы, произносящие академические речи по заказу наших клиентов.

Мы – сотрудники судей; мы производим перед ними и для них первоначальную оценку дела, когда отношения сторон привели к необходимости разрешить дело судебным определением.

Мы обязательно должны являться в заседание, зная процесс до конца ногтей! Но нам не следует произносить речей, преследующих иную цель, кроме выяснения дела судьям. Нужно говорить перед судьями то, что может уяснить его и ничего более. Говорить мы должны только таким образом, чтобы достигнуть этого уяснения, и никаким другим. Время судей дорого, наше также, а нужно уметь замолчать, когда нам нет нужды более говорить. Все это еще раз подтверждает уже сказанное мною о необходимой подвижности в плане речи. Его необходимо приспособлять, смотря по обстоятельствам, к потребностям дальнейшего обсуждения дела, следующего за тем, в котором мы принимаем участие и производимого судьями без нас при их совещании.

XI

Я знаю возражение против моих слов: «Все это очень хорошо для талантов, но... но...» Кончайте, пожалуйста... Послушайте, разве у вас меньше таланта, чем у людей, вполне успевших на нашем поприще? Да позвольте мне сказать, что я совсем не верю в таланты. Чем более я живу, тем более приобретаю убеждение, в конце концов очень утешительное, что в деле успеха роль природного таланта очень мала и далеко уступает роли труда.

Вы воображаете, что такой-то обладает удивительным талантом, Вы видите, как он говорит по известному делу, почти не изучая его. Но вы не видите огромной подготовки, которая дала ему эту легкость усвоения, эту способность концепции, эту быстроту анализа.

Пианист принимается разбирать известную пьесу. Ни чтение, ни исполнение ее не стоят ему ни малейшего усилия. Спросите же его, сколько гамм, сколько этюдов повторял

он в течение целого ряда лет. Он обязан своими успехами обширному общему образованию. Но, конечно, те, которые одно за другим выучили лишь «Карнавал в Венеции», «Молитву девы», и т. п., должны начинать снова свой труд, чтобы одолеть какой-нибудь вальс или мазурку.

Я охотно повторил бы перед вами, мои дорогие собраты, тот совет, который дал мне в двух словах мой высокочтимый патрон: «без нетерпения». Ведь вы, я думаю, не претендуете достигнуть славы в один день. Конечно, я искренно желаю, чтобы вы могли сказать про себя Корнельевскими стихами:

«Vos pareils a deux fois ne se font pas connaitre
Et pour des coups d'essai veulent des coups de maitre».⁷

Но в этом мире можно быть счастливым и не будучи Родриго и без любви к Химене.

Поверьте, первое правило успеха – уметь работать долго и упорно, чтобы собрать жатву много времени спустя, а в нашем сословии вообще очень и очень не скоро.

Есть известного рода успехи, которых можно очень скоро достигнуть. Но они опасны, фатальны. Они могут принести деньги, но они не дадут лавров.

Я сказал выше, что судебная речь – своего рода спорт; я повторяю свое сравнение. Вы скажете, конечно, что это себялюбивое пристрастие отца к своему детищу. Но я позволю себе еще раз сравнить вас с самым благородным завоеванием человека.

Конечно, вы можете сейчас же стать доходной статьей, но под условием пожертвовать собою и запречься в оглобли фиакра по два франка за час. Раз вы станете извозчицьею лошадью, вы останетесь ею навсегда. Если же вы желаете получить приз на скачках, умейте подчинить себя систематическому режиму. Избегайте, как непоправимого зла, речей, которые не удовлетворяют требованиям личной подготовки и условиям изучения дела, о которых я говорил выше. Избегайте, как непоправимого зла, всякой речи, приготовленной согласно предвзвешенным риторическим соображениям. Вы дадите себе ложное воспитание. Нужно иметь мужество не произносить речей, когда не чувствуешь в себе способности говорить по истинной методе.

Читайте, пишите, изучайте, занимайтесь долго, постоянно. Изучайте дела, анализируйте с пером в руках речи, произнесенные другими, следуйте и речам, которые вы таким образом изучите.

Читайте громко в собраниях Конференции. О, я знаю, что это упражнение покажется вам детским! Но, ведь нужно откровенно сознаться, что мы, претендуя произносить речи, не умеем читать, и исключения в этом отношении так редки, что вы их тотчас пересчитаете по пальцам. Попробуйте иногда, изредка, при начале стажа, импровизировать речи в фиктивных процессах Конференции; говорите по поводу действительных процессов, конкретных дел, которые тщательно, с пером в руках, изучены вами. Позднее, когда вы будете уверены, что вам не нужно говорить непременно о конкретных вещах, чтобы не смущаться от присутствия аудитории, приступайте к абстрактным вопросам. Не беспокойтесь от того или иного промаха. Если они случаются с вами, не приписывайте их непременно недостатку таланта, а скорее пробелам образования, и опять читайте, пишите, и снова пробуйте. Я вам ручаюсь, что спустя несколько лет вы опередите тех, которые слишком доверяются своим способностям.

Но каков бы ни был ваш успех, я повторяю вам: никогда не оставляйте работать над аналитическим изучением дел с пером в руках. Только этому последнему способу вы будете обязаны сохранением той остроты ума, той глубины анализа, той силы памяти, которая неизбежно требуется от серьезной, основательной судебной речи.

---

⁷ Подобные вам понимают дело с одного раза и для первых проб требуют образцов.